

Андрей Бехтерев

Горка и Таюк

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Бехтерев

Горка и Таюк

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Бехтерев А. Ю.

Горка и Таюк / А. Ю. Бехтерев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В рыбацкий поселок на берегу Охотского моря приезжает необычный турист. Он активно общается с местными рыбаками, рассказывает разные истории о причинах своего приезда, но что он хочет на самом деле, никто не знает. Тем временем в поселке начинают гибнуть люди при загадочных обстоятельствах: то человека ударит молния в ясную погоду, то "неправильная" волна утопит лодку с полицейским, то женщину загрызёт непонятный зверь. Рыбаки начинают думать, что во всем виноват "чужак", но доказать его причастность к этим событиям практически невозможно. Содержит нецензурную брань.

© Бехтерев А. Ю., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Андрей Бехтерев

Горка и Таюк

Глава 1

1.

Егор шел по главной улице поселка. На нем, как на вешалке, висел багаж. На плечах болтались: сумка с ноутбуком, сумка с вещами, просто сумка; в обеих руках было по несколько пакетов; за спиной висел рюкзак. Утро было раннее. На улице никого не было.

Егор остановился, поставил пакеты между ног, достал из кармана листок с картой поселка и начал крутить головой, пытаясь сориентироваться. Сориентировавшись, он засунул листок назад в карман, взял пакеты и пошел дальше.

Улица была длинной, через весь поселок. Пройдя с километр, Егор первый раз за утро улыбнулся. Он увидел вдалеке ярко красный дом. Егор дошел до переулка и двинулся в сторону «красного» дома. Идти было недалеко, метров сто.

«Красный дом» был двухэтажным кирпичным зданием с большим участком. Он был огорожен высоким забором из металлических прутьев. Прутья тоже были выкрашены в красный цвет. Над дверью в дом была вывеска – точнее большой кусок фанеры, на котором краской было написано «Hotel». Рядом с запертой калиткой была кнопка звонка. Егор уже хотел позвонить, но передумал. Он свалил сумки, пакеты и рюкзак в одну кучу, придвинул кучу к калитке, расправил плечи и быстро пошел дальше по переулку. Пройдя еще метров пятьдесят, Егор вышел к обрыву. С обрыва открывался величественный вид на раскинувшийся во все стороны океан. Егор развел руки, сделал несколько глубоких вдохов и засмеялся. Потом он достал из кармана смартфон и сфотографировал себя на фоне океана.

Увидев вытоптаный спуск с обрыва, Егор тут же спустился на берег. Под ногами зашестела галька. Егор дошел до воды и остановился. Был полный штиль. Вода не шевелилась. Егор взял камень и бросил в воду – раздался всплеск и по воде побежали круги. Егор сел на корточки стал стучать по воде ладонью, потом встал и, не разуваясь, зашел в воду по колени. Он зашел бы глубже, но вода была холодной. Постояв с минуту Егор выбрался на берег. Чавкая мокрыми кроссовками он пошел назад.

Забраться на обрыв оказалось сложнее, чем спускаться. Мокрые подошвы скользили по глине. Егор поскользнулся и упал на колени, испачкав джинсы. Найдя в стороне подъем поудобней он смог-таки вскарабкаться.

Вернувшись к отелю Егор увидел, что куча-мала из его сумок-пакетов исчезла. Егор в недоумении стал крутить головой. Никого не было. Вещи словно испарились. Тут Егор заметил, что калитка приоткрыта. Он толкнул калитку и вошел во двор. Пройдя по каменной дорожке, Егор поднялся по ступенькам и постучал во входную дверь отеля.

– Входи уже, – раздался из-за двери грубый женский голос.

Егор вытер кроссовки о грязный коврик, лежащий на пороге, и вошел в дом. В прихожей было сумрачно и душно. Все его вещи были свалены у лавки. Одна сумка была открыта. Из нее торчал рукав его рубашки. Над другой сумкой сидела полная женщина в шортиках и майке. В руках у нее была мышка от ноутбука.

– Здравствуйте, – кашлянув, сказал Егор, – извините, но это мои вещи.

– Да ты что? А я думала Бог послал, – засмеялась женщина каким-то жутким смехом. У Егора мурашки пошли по коже, – а ты не похож на Бога, – добавила женщина, с трудом вставая.

– А Александра Григорьевича можно? – растерянно спросил Егор.

– Меня можно. Купаться что ли бегал? Не сезон топится.

– А где Александр Григорьевич?

– Я жена его, – сказала женщина, засовывая мышку назад в сумку. – Таисия зовут. Пройди. Ты же тот самый гость?

– Наверное. Я – Егор.

– Прекрасно, – сказала женщина более дружелюбным тоном. – Слушай, дружище Егор, у тебя случайно нет таблеточки этанола. Подыхаю.

– Таблеточки этанола? – не понял Егор.

– Не русский что ли? Водки или типа того. Подыхаю, если прослушал.

– Водки нет. Я не пью, – сказал Егор и с трудом улыбнулся.

– Да? – сурово переспросила женщина. – Ты точно не чёрт? Куда пузырек мой дел, сатана?

– Какой сатана? Какой пузырек? – испуганно переспросил Егор.

Хозяйка махнула рукой.

– Может одеколон какой есть или настойка для здоровья? – примирительно спросила хозяйка. – Пустырник, боярышник, валерьянка? Такие бесы как ты должны свое здоровье любить.

– Нет у меня ни одеколona, ни настоек, – пробормотал Егор.

– Зря, – сказала хозяйка и села на лавку. – Не поверишь, друг Егор, с вечера была целая бутылка. Запаивная, Думала гость приедет, с дороги посидим. Проснулась, нет нигде. Сатана лютует. А времени сколько сейчас?

– Где-то 9, – сказал Егор, – утра, – добавил он после небольшой паузы.

– Да сама знаю, что утра. Магазин через два часа только откроют. Если я к тому времени сдохну, сбегай сам, пожалуйста, и залей мне эликсир в любое отверстие, которое открыть получится, – хозяйка тяжело вздохнула. – Ладно, дружище, разуйся, проходи. Уха есть, картошка, салат из лопуха. Устал, наверное? Извини, что не встретила. Похозяйничай немного без меня. Я пойду сдохну пока.

Хозяйка хотела встать, но передумала. Егор разулся, потер замерзшие ступни ладонями и подошел к хозяйке.

– Таисия, – робко обратился к ней Егор, – я вашему мужу, Александру Григорьевичу, сувенир привез. Чисто подарок. Кальвадос. Для Александра Григорьевича. Он же любит коллекционный алкоголь.

– Алкоголь? Слава тебе, Иисусе, – перекрестилась хозяйка, подняв голову. – Давай.

Егор взял один из пакетов, потом другой, потом третий. Из третьего он достал большую картонную коробку с черным рисунком и протянул хозяйке. Хозяйка взяла коробку, но коробка сложно открывалась и у Таисии никак не получалось добраться до бутылки.

– Это по-своему уникальная бутылка, винтажная, 1967 года, – рассказывал Егор, глядя на потуги хозяйки. – Я купил в Нормандии по случаю, но товарищ, которому она предназначалась, под поезд попал.

Хозяйка, наконец, сломала коробку и смогла ухватить бутылку за горлышко. Но бутылка была толстой и никак не хотела выходить. Таисия решила открыть бутылку прямо в коробке, но горлышко было запаено пленкой. Чуть ободрав пальцы, хозяйка прекратила попытки и подняла взгляд на Егора.

– Не прошу тебя так сразу быть мужчиной, но открой... пожалуйста, – сказала она и криво улыбнулась.

Егор взял коробку.

– Это вообще-то Александру Григорьевичу я привез и это не столько алкоголь, сколько сувенир. Я обещал ему. Это подарок... – начал было Егор.

– Еще раз скажешь «Александр Григорьевич», облюю с головы до ног, – пробурчала хозяйка. – Пожалуйста.

Егор, вздохнув, открыл коробку с другой стороны и бутылка выскользнула сама. Достав из кармана складной ножик, Егор оторвал пленку с горлышка, потом скрутил крышку и протянул бутылку хозяйке. Хозяйка сунула свой нос в горлышко, понюхала и тут же сделала пару больших глотков. Женщину передернуло. Чуть отдышавшись она звонко чихнула.

– В аптеке что ли покупал? – спросила она, широко улыбнувшись.

В залитой солнечным светом гостиной, Егор, наконец, смог хорошо разглядеть хозяйку отеля. Растаяв под алкоголем, Таисия кардинально переменялась. Старая грязная вонючая алкашка, уродка лет пятидесяти, исчезла. Вместо нее появилась молодая женщина лет тридцати. Грязь и вонь не исчезли, но ушли на второй план. Таисия оказалась очень даже симпатичной барышней – чуть полноватой, но это было в плюс. Лицо у нее было нестандартным и удивительно ярким, запоминающимся раз и навсегда. «Помыть, расчесать и one way ticket to Hollywood», – мелькнуло в голове Егора.

Таисия угостила гостя яблоком – в углу стояла целая корзина – и стала накрывать стол. На столе появилась уха, рис, рыба. Пригласив гостя к столу, хозяйка разлеглась в большом кресле. Присутствие чужого мужчины Таисию совершенно не смущало. Она то и дело неприлично растопыривала ноги, а сквозь ее футболку время от времени просвечивали соски. Егор пытался отвести взгляд, но это было сложно.

– Куришь? – спросила хозяйка, взяв со столика пачку сигарет. На пачке был большой иероглиф.

– Нет, – ответил Егор, поедая вкусный суп.

– Не удивил. Я тут покурю или выйти вон? – спросила Таисия и, не дождавшись ответа, чиркнула спичкой.

– Курите, конечно, – сказал Егор, смотря как хозяйка прикуривает.

– Что приехал-то? – спросила хозяйка, пуская изо рта жирное колечко дыма.

– А Александр... то есть ваш муж, не рассказывал?

– Не.

– Ну тогда я сам расскажу, – сказал Егор, прожевав капустный лист. – Я приехал за впечатлениями. Я работаю сценаристом. Пишу сценарии для кино.

Егор сделал паузу, ожидая реакции хозяйки.

– Ну и? – наконец спросила Таисия.

– Ну и сейчас я работаю над сценарием для сериала. Дело будет происходить на берегу океана, у вас в Приморье, в заброшенном рыбацком поселке типа этого. Меня командировали на месяц, через всю нашу бесконечную страну, что бы я, так сказать, пропитался здешним воздухом, почувствовал, что такое жить на берегу океана, нахватался местного диалекта. Что бы от сценария пахло не тиной Москвы-реки, а звенящей океанской солью.

– Да ну, – улыбнулась Таисия. – У нас будут снимать кино?

– Нет. Кино будут снимать в Норвегии, но события будут происходить как будто у вас.

– Почему в Норвегии?

– Потому что Флориду бюджет не потянул, – попытался пошутить Егор и закашлялся от дыма.

– Выйду на порог, – сказала Таисия, вставая.

– Нет, сидите. Лучше дайте затянуться. Нужно для акклиматизации.

Таисия протянула гостю сигарету. Егор набрал полные легкие дыма и закашлялся еще сильнее. Дым повалил изо рта, из носа и даже из ушей. Хозяйка засмеялась.

– Я не посинел? – спросил Егор, откашлявшись.

– Отдай, – сказала Таисия, забрав сигарету. – И как ты нас нашел? Нас, наверное, и на карте нет.

– Есть, – сказал Егор. – Мне помогли наши специалисты по черным дырам. Они дали несколько адресов-вариантов, я стал выбирать, наткнулся в интернете на рекламу вашего отеля, типа, «уютная гостиница, частный дом», списался с вашим мужем и всё совпало. Странно, что ваш муж уехал. Мы с ним вроде договорились.

– Дела у него. О чем кино-то будет?

– Да так. Об обычных трудовых буднях рыбацкой деревни: об алкоголиках, браконьерах, контрабандистах, японских шпионах. Ни о чем, короче.

– А любовь будет?

– Конечно, – кивнул Егор. – Будет молодой гэрэушник на пенсии с благородной сединой подмышками. Он и будет любовью.

Хозяйка затушила сигарету.

– Слушайте, Таисия, раз вашего мужа нет, то может, вы поможете мне с контактами? – спросил Егор. – Мне надо поэкстремальней сойтись с местными. Не просто сидеть в уголке или бегать с микрофоном, а что б кожей почувствовать.

– Может хочешь поэкстримальней сойтись со мной? – хитро улыбнувшись, спросила Таисия.

– С вами? – растерялся гость. – Вы имеете в виду...

Егор скосил взгляд пытаясь подобрать слово.

– Секс, – помогла ему хозяйка, поправив свои грязные волосы. – Только я не имею его в виду. Просто спросила.

– У меня вообще-то в Москве жена и двое детей, – сказал Егор.

– Да ладно, – удивилась Таисия. – Сколько ж тебе лет, мальчик?

– 33 исполнилось.

– Да ты что? Как тесен мир. Мне тоже 33 скоро стукнет. Хороший возраст. Время быть пронзенным копиём. Так что наливай.

Егор кивнул, взял со стола бутылку – осталось меньше половины – налил полную рюмку хозяйке и себе половинку. Потом он передумал и налил себе тоже полную. Гость аккуратно донес рюмку Таисии. Хозяйка выпила залпом. Егор тоже выпил залпом, после чего бегом вернулся за стол и залил в себя несколько ложек супа.

– Я еще не посинел? – спросил Егор, качая головой.

– Еще нет. Все такой же румяный. Давай-ка еще по одной без пауз? Красиво кроет твоя микстура.

– Нет, – замахал руками Егор, – я на работе. Лучше скажите мне, хозяйка, у вас есть какой-нибудь кабак, где бухают разные браконьеры и гангстеры?

– Нет. Но у нас есть столовая, где граждане иногда собираются попить пивка.

– Ну, в принципе, я это и имел в виду. Сводите меня туда?

– Я там не собираюсь.

– Может хотя бы на карте чирканете где это?

Егор достал из кармана смятую карту поселка и протянул ее Таисии. Хозяйка взяла карту и оставилась на нее.

– Ничего себе, – воскликнула вдруг она, подпрыгнув в кресле. – Это же наша деревня! Откуда у тебя это? Спецслужбы все-таки следят за нами?

– Это карта Google, дурочка, – покачал головой Егор, – извините за фамильярность.

– Подари, – попросила хозяйка, сделав умоляющий взгляд.

– Берите, – пожал плечами Егор. – Я с десятков таких распечатал. Как знал, что еду к дикарям.

– Спасибо, – сказала Таисия. Ее и без того безмятежное лицо стало совсем счастливым. – Что хочешь взамен?

Егор непроизвольно смерил Таисию взглядом. Хозяйка засмеялась и, зевнув, закинула руки вверх, потягиваясь. Футболка натянулась и грудь неприлично проступила со всеми прекрасными подробностями. Егор с трудом отвел глаза и кашлянул.

– Мне взамен нужны будут фотки. Для отчета. Можно ваш дом сфоткать? Интерьер? И вас в интерьере? – сказал наконец Егор.

– Мне обнажится? – уточнила Таисия.

– Нет, не надо таких жертв. Наш спонсор – тетка в православном климаксе. Она не оценит. Нужны просто документальные фотки.

– Я ношу одежду, только что бы выглядеть соблазнительней. А если по документальному, то хожу себе, как Ева, без трусов, кушаю яблочки. Слушай, Егорка, ты любишь планы?

– Планы? Это наркотики какие-то местные? – не понял Егор.

– Какие наркотики? Тоже дикарь что ли? – засмеялась Таисия. – Просто планы. Мы придумываем план, что будем делать, пишем сценарий – это ты умеешь – а потом играем строго по сценарию. Давай?

– Надеюсь, сценарий не на всю оставшуюся жизнь, – чуть напрягся Егор.

– Фильмов на всю жизнь не бывает. Давай начнем с короткометражки. Ну?

– Ну... – замылся Егор, – ну, давайте попробуем.

– Короче, сейчас еще по полной рюмахе. Потом ты фоткаешь меня и весь мой интерьер бесстыже-документально, потом идешь на лавочку в сад, а я разогрею баню. И я вонючая и ты вонючий, надо снять бронезилеты. Потом ты узнаешь, как я пахну по-настоящему и задохнешься. Ты очень удивишься и тогда уж точно посинеешь...

2.

Столовая располагалась в длинном одноэтажном здании. На крыше здания стояли несоизмеренно большие железные буквы, которые должны были складываться в слово «Столовая». Но от половины букв остался только ржавый каркас, поэтому издали читалось «Сто...я». Перед столовой была центральная площадь поселка с деревьями и лавочками. Напротив столовой кто-то отгрохал большой каменный домик с колоннами. Заборчик вокруг домика был невысоким. Через него спокойно можно было разглядеть засаженный цветами участок. На участке были невысокие деревья обстриженные в форме шаров. Обстрижены они были плохо. Шары получились кривыми, но замысел можно было разгадать. В центре участка стояла высокая мраморная статуя сурового мужика с развевающейся бородой. На голове у статуи была взъерошенная прическа, похожая на раковину. В одной руке мужик держал трезубец, а другую сжимал в кулак. Наверное это был Нептун или его родственник, но выражение лица и поза статуи напоминали скорее вора в законе. Даже рельефная туника прикрывающая стыдобу больше походила на банный халат. Егор выбрал ракурс и сфоткал на телефон сначала домик, потом стую, потом деревья-шары, потом развернувшись сделал несколько фото столовой и вывески «Сто...я».

Просмотрев получившиеся фотки, Егор поднялся по ступенькам столовой, открыл деревянную дверь на тугой пружине и зашел внутрь. Помещение столовой походило на широкий коридор. Столики были расставлены хаотично. Стульев вообще не было. Напротив входной двери была лента для подносов с классической кассой.

Егор огляделся. В глубине зала у окна стоял единственный посетитель. Он был в ковбойской шляпе. Посетитель что-то бормотал себе под нос. Егор сделал пару шагов в его сторону, но передумал и решил сначала подойти к кассе. На стеллажах вместо готовых блюд были расставлены продукты, как в магазине: батоны в целлофане, крупы, картошка, молоко, сметана, пиво-водка-сигареты. Ценники были написаны фломастером от руки. На некоторых ценниках были красные стикеры с надписью «Акция». Только цены у акционных товаров, почему то не уменьшались, а росли.

– Что? – спросил женский голос. Егор дернулся от неожиданности. Он думал за кассой никого нет. Сидящую продавщицу совсем не было видно за прилавком.

– Добрый день, – сказал Егор и постучал по железной тарелке для мелочи, стоящей рядом с кассой. – Туки-туки продавец.

Егор дружелюбно засмеялся. Женщина оторвалась от экрана мобильного и поднялась со стула. Она была в синем спортивном костюме, на ногах у нее были кроссовки. На вид ей было лет 40-50.

– Что? – повторила вопрос продавщица, встав напротив Егора.

– Здравствуйте, если добрый день не прокатывает, – сказал Егор, продолжая приветливо улыбаться.

Женщина не собиралась здороваться.

– Что порекомендуете из местной кухни? Хотелось бы отведать что-нибудь фирменное, желательно с морепродуктами, – с идиотской вежливостью сказал Егор.

Продавщица наморщила лоб и захрустела пальцами. На правой руке у нее была татуировка – большая буква «В» с вензелями.

– Может пиво дать? – спросила продавщица, широко зевнув. Она не прикрыла рот и Егор успел рассмотреть кариес на ее желтых зубах.

– А поесть что-нибудь можно? Хотя б пирожки какие-нибудь?

– Тайка не кормит что ли? Или у тебя не «всё включено»? – усмехнулась продавщица. Егор замялся. – Ты ж тот самый Тайкин гость, что три дня назад приехал?

– Да. Я остановился в отеле у Александра Григорьевича, но его сейчас нет, – сказал Егор. – Странно, что вы всё знаете.

– Если б я всё знала, не предохранялась бы тогда с Федькой. Пиццу, может?

– Давайте. Только с морепродуктами, если есть.

– Конечно, есть. И с морем и с продуктами.

– Отлично, – сказал Егор и потер ладони.

– Не радуйся так сразу. Она чуть просроченная, но не сдохнешь... наверное.

Продавщица подошла к холодильнику.

– Деньги-то есть? – спросил она, обернувшись. – 250, вообще-то, рублей. Найдешь?

– Найду.

Продавщица достала из холодильника замороженный диск в полиэтилене, потом вытащила из ящика стола большие ржавые ножницы. Ожесточенными движениями продавщица содрала с диска пленку, словно скальп с бледнолицего, и бросила пиццу в микроволновку. Микроволновка заискрила, затрещала и с трудом закрутилась. Продавщица выставила время и вернулась к посетителю.

– На 5 минут поставила. Барахлит, зараза. Возьми пиво к пицце. Как дипломированный санитар рекомендую. 350, если с пивом.

– Хорошо, – кивнул Егор. Он вытащил кошелек, достал из него 500-рублевую купюру и протянул продавщице.

– Счёты Татарин погнул на той неделе, так что сдачу нечем считать, – сказала продавщица, пряча купюру в карман. Увидев, что Егор нахмурился, продавщица улыбнулась. – Ладно, шучу я. Мелочи нет. Возьми что-нибудь на 150 или давай кредит тебе открою?

– Давайте кредит. Я еще 2-3 недели здесь буду обитать, – снова улыбнулся Егор.

– Что приехал-то? Надеюсь не с Лас-Вегасом опять? Лас-Вегас мы уже продали.

– Какой еще Лас-Вегас? – не понял Егор.

– Город такой есть веселый. А мужик, что год назад приезжал, был еще веселей. Хороший был мужик – типа тебя, только симпатичный. Галстук, портфель, борода. Построю, говорит, у вас Лас-Вегас. Измерял берега, чертежи чертил. Показывал какое-то море на ноутбуке. Типа, нас по-новому будет омывать.

– И где этот мужик сейчас?

– Понятия не имею. Лас-Вегас должно быть упаковывает. Это ж тебе не банка с вареньем.

– Понятно, – кивнул Егор. – Нет, я не с Лас-Вегасом. Я – антрополог, собираю материал для кандидатской.

– Ого. Бабочек что ли ловишь? Бабочек теперь до весны не будет.

– Нет. Бабочек я не ловлю. Меня интересуют люди. Думал тут кого застану. Народ у вас бывает вообще?

Егор кивнул на пустые столики.

– А ты чем не народ? Если за мой бизнес беспокоишься, то не беспокойся. Народу без пиццы никак. Да и на разлив лью. Место культурное. Вон, даже стулья все спрятала, а то усядутся, не выгонишь. Я, вообще-то, авторитет местный и олигарх. Банк у меня свой, кредиты. На Сахалин два раза в год летаю, с горки кататься. В Пхукете в том году была и в этом поеду. Так что, если что обращайся. Если конечно есть чем обращаться. Валерия я.

– Очень приятно, Валерия. А я – Егор.

В этот момент раздался жуткий писк. Продавщица подняла палец вверх, вернулась к микроволновке, открыла дверцу. Из микроволновки повалил черный дым. Продавщица вытащила обугленную пиццу.

– Сойдет? Сойдет, – пробормотала продавщица себе под нос, после чего бросила пиццу на блюдце и поставила перед Егором. – Ешь, не стесняйся.

– Это точно морепродукты? – спросил Егор, разглядывая пиццу. На пицце были кусочки колбасы, утонувшие в бурой густой массе.

– Не сомневайся. Сейчас в море какой дряни только не водится. Экология, если слыхал.

– Спасибо, – сказал Егор. – А вилки нет с ножом? Случайно.

– Нет.

Егор попытался взять пиццу, но она была слишком горячая. Тут Валерия неожиданно нахмурилась. Она смотрела мимо Егора. Егор обернулся. К ним подходил мужчина, единственный посетитель столовой, стоявший до этого у окна. Одет мужчина был странно. Помимо ковбойской шляпы на нем были черные кожаные штаны в обтяжку и пиджак. Пиджак у мужчины был дешевым, в клеточку, и выпадал из western style. Еще больше из ковбойского стиля выпадал запах. От мужчины воняло, как от бомжа. Запах был не просто плохим, а жутким. Таким запахом можно было двигать предметы на расстоянии, особенно если у предметов был нос и ноги.

– Ты знаешь, что у меня в кармане? – хриплым голосом спросил мужчина, положив руку на плечо Егора. Руку он положил не столько из панибратства, сколько для собственной устойчивости. Другой рукой он уперся в прилавок. Егор хотел было убрать его руку, но передумал.

– Ты должен знать, что у меня в кармане, – повторил мужчина. Он смотрел в сторону. К кому он обращался было непонятно. Карман у мужчины был оттопырен. Там действительно что-то лежало.

– Хотя бы перед гостем, Тунгус, не позорься, – вздохнув, сказала Валерия.

– Перед тобой, что ли позориться? – засмеялся бомж-ковбой. – Давай зайду вечером, раздвинем диванчик, я и перед тобой опозорюсь.

Мужчина неожиданно стал падать и только схватив Егора за шею он смог остановить падение. Егор поддержал мужчину.

– Ладно, спать хочу... не с вами, – крикнул мужчина и, махнув рукой, потопал на выход. Дверь громко хлопнула.

– Иди, умойся, а то вонять будешь. Вода у нас недорогая, – сочувственно сказала Валерия Егору.

– Спасибо, не надо. Ветром обдует. Наверное тоже пойду, – Егор поднял двумя пальцами пиццу, – заверните с собой, плиз.

Продавщица, покачав головой, достала рулон туалетной бумаги и лихо намотала ее на пиццу.

– Держи свой морепродукт, – пробурчала она, положив пиццу, ставшую похожей на мумию на прилавок. – Пиво-то дать?

– Что-то не хочу, сейчас, – ответил Егор, беря пиццу. – Пусть тоже в кредит будет.

Егор отвесил продавщице поклон и пошел на выход.

– Эй, как тебя там, – окликнула его Валерия.

– Егор, – сказал гость, обернувшись.

– Я помню, что Егор. Завтра день танкиста. Тут твой народ как раз и соберется.

– День танкиста? – не понял Егор.

– Ага, – ответила Валерия. – Тут настоящий танк стоял памятником лет сто, пока не спёр кто-то. Так что день танкиста наш местнопочитаемый праздник. А день танкиста завтра. Приходи, если тебе это надо. Повстречаешь свой народ.

– Обязательно приду. А во сколько? – спросил Егор.

– Всё равно, – махнула рукой продавщица и снова протяжно зевнула.

Егор дошел до конца улицы. Улица выходила к заливу, где располагалась местная «флотилия». Залив был узким и глубоко впадал в материк. Открывшийся вид изумил Егора. Посреди залива, как инопланетное чудовище, возвышался огромный мрачный корабль размерами с 9-этажный дом. Это был танкер. Посередине его чернела трещина. Похоже, танкер сел на мель и треснул. Егор достал телефон, сделал несколько снимков и стал спускаться по тропинке.

На берегу был длинный пирс, уходящий далеко в море. К пирсу были пришвартованы рыбацкие катера. На противоположном берегу залива был маяк, вокруг которого стояли многочисленные домики. Судя по карте, это был районный центр под названием «Совхоз им. Микояна».

Дойдя до берега, Егор зашел на пирс. Пирс был изрядно потрепанным. Бетонные сваи, уходящие в воду, выглядели надежно, но металлическая конструкция расшаталась от времени. Железные листы местами были оторваны и, поскрипывая, качались на ветру. На одном из катеров копошились люди. Доносился звон, как от колокола. Егор пошел вперед. Первые два катера были одинаковые – черный низ, серый верх. Третий сильно от них отличался. Он был относительно новым, чуть больше в размерах и весь белый, с голубой полоской по ватерлинии. Но главное отличие возвышалось на носу катера – к носу была присобачен бюст лохматого мужчины по пояс. Это был тот же Нептун что в доме у столовой, только в другой позе. Этот Нептун был одноруким. Рука была протянута далеко вперед, ладонь опущена вниз – словно Нептун умирал море. Но более гармонично для этого мужика смотрелся бы поднятый вверх средний палец. Егор тут же достал телефон и сделал несколько снимков. Он даже хотел перелезть через перила и забраться на катер, но это было не просто и Егор оставил эту затею. Он пошел дальше – к катеру, на котором трудились ремонтники.

Ремонтников было трое. Они что-то чинили. Один лупазил кувалдой по большой круглой железяке, двое других смотрели и что-то советовали. С кувалдой был самый щупленький и моложавый из них. Мужички покрепче просто давали советы. Едва Егор подошел к их катеру, работники тут же бросили работать и уставились на чужака.

– Добрый день! – громко сказал Егор и приветственно махнул рукой.

Ремонтники что-то пробормотали в ответ и снова стали обсуждать свою железяку.

Егор, чуть подумав, поднялся по трапу на катер и подошел к ремонтникам. Они снова прервали работу и посмотрели на чужака.

– Красивый корабль, – сказал Егор, показывая на танкер, – вы часто на него забираетесь? Ремонтники переглянулись.

– Зачем? – спросил мужчина с усиками.

– Вид оттуда наверное сумасшедший, – сказал Егор. – Как следующий раз туда соберетесь, меня прихватите?

Работники снова переглянулись.

– Зачем? – спросил на этот раз щупленький парнишка.

– Мне интересно. Я же турист, – с улыбкой сказал Егор. – А на том берегу маяк? Это же совхоз Микояна?

– Это Мекка, – сказал парнишка, покачивая кувалдой.

– Мекка? – переспросил Егор. – Странное название. А на карте написано совхоз Микояна.

Работники снова переглянулись и ничего не ответили.

– А вы в море скоро пойдете? – продолжал болтать Егор, хотя разговор явно не клеился. – Может возьмете меня с собой? Конечно, я не моряк, но чем-то помочь могу. Бесплезным грузом не буду. Я заплачу деньги. Возьмете?

– Зачем? – сказал самый старший из ремонтников.

– Понимаю ваше недоумение, – засмеялся Егор. – Для вас это работа, а для меня приключение. Разница суровая.

– Слушай, друг, нам тут до вечера дубасить, – прервал Егора старший, – давай в другой раз поболтаем.

– Хорошо, – кивнул Егор, – давайте в другой раз. Если, что я остановился у Таисии, в отеле с красной крышей. Надеюсь вы не спросите «зачем?»

3.

Егор решил вернуться в гостиницу другой дорогой. На одном из домов зеленой краской было написано «Аптека». Калитка была открыта. Егор решил зайти. Он поднялся по ступенькам и постучал в дверь. Через несколько секунд он постучал еще раз и открыл дверь сам. Зазвенел колокольчик. Пройдя через крохотную прихожую, Егор вошел в комнату. Комната была пустой, только у стенки стояла кушетка с пустыми капельницами, а рядом с кушеткой – две табуретки. На стене висел плакат «ШБ» для определения остроты зрения. На маленьком столике были живописно расставлены оправы очков. В комнате никого не было. Егор взял одну из оправ, просто посмотреть, и услышал шум внутри дома. Егор положил оправу на место и тут же в комнату вошел мужчина в белом халате лет пятидесяти. Он был высокий, под два метра, худой, сутулый, лысый.

– Здравствуйте. Что беспокоит? – спросил мужчина и вплотную подошел к Егору.

– Добрый день, – ответил Егор и инстинктивно сделал шаг назад, – честно, не знаю, что меня беспокоит. Разве что любопытство. Зашел посмотреть ассортимент и цены. Это же аптека?

– Пожалуй что аптека, но... – мужчина немного растерялся, – как вас зовут?

– Егор.

– Феофил, – представился мужчина. – Понимаете, Егор, поселок у нас маленький, стоит на отшибе, приезжих почти нет. Поэтому это не столько аптека, сколько, вообще, всё. И поликлиника и больница и даже морг, иногда. Ко мне приходят, говорят «руку порезал», «понос третий день», «голова болит» – всё что угодно. Я осматриваю и прописываю лечение. Лекарства – это часть лечения и цена на них свободная. На них нет прайса. Разве что оправы имеют твердую цену – знакомая из Мекки дала на реализацию. Не интересуют?

– Оправы? Нет, – ответил Егор. – Получается вы больше врач, чем аптекарь?

Мужчина почесал лысый затылок.

– Нет, я скорее аптекарь. Хотя... это не совсем точный вопрос. Я не местный. Врачом «Скорой помощи» в Хабаровске 26 лет проработал. С одной стороны, образование всего лишь среднее-специальное, а с другой – опыта гора. По мелочам справляюсь, но если что серьезное, то в Мекку. Там больница есть и настоящий врач.

- Как вас сюда занесло? – заинтересовался Егор.
- Это не интересно, – сказал Феофил и стал переключать оправы.
- Можете не рассказывать, но это очень интересно, – сказал Егор.
- Вы просто любопытный, – сказал аптекарь, снова повернувшись к посетителю. – Сами-

то зачем приехали? По делам?

– Зачем я приехал, точно не интересно, но я расскажу, – с готовностью сказал Егор. – Я здесь по двум причинам, которые складно замкнулись на вашем поселке. Первая и главная причина – астма. Болею лет пять уже. Сил нет. Доктор рекомендовал морской воздух. Поэтому в отпуск я поехал к океану. На нашем западе морей особых нет, поэтому решил полететь на восток. И действительно климат у вас удивительный. Я здесь еще ни разу не кашлянул. Просто чудо. Даже ингаляции перестал делать. А вторая причина по которой я именно здесь, а не, скажем, в соседнем совхозе Микояна или, как у вас говорят, Мекке – сайт одного отеля. В поисках места для отпуска я случайно наткнулся на него. У него слоган: «Перезагрузись!». Никаких тебе триалов и джампингов, просто путешествие на берег океана в дикое место со всеми удобствами. Комфортабельная кровать вместо жесткого спального мешка, дружелюбные аборигены вместо злых медведей и при этом абсолютная дикость вокруг. Я не спортсмен. Туалет под кустом с комариками и отсутствие горячей воды – для меня, как СИЗО. Один раз угораздило на пару дней, больше не хочу. А тут и расслабиться и перезагрузиться – красота. А когда целый год сидишь в бессмысленном офисе посреди Москвы, в пиджаке и галстуке с начальником-трудоголиком – «сегодня вечером повешусь» частенько в голове крутится. Отсюда с женой напряги, на детей срываешься, косячки крутишь по выходным. Нужна перезагрузка обязательно. А тут и отпуск, и океан и астма. Короче я повелся. Этот сайт рекламировал ваш поселок, точнее отель, в котором я остановился. Знаете про отель? С красной крышей.

– Конечно знаю, – улыбнулся аптекарь. Он внимательно выслушал Егора. Похоже, Феофил был удивлен его болтливостью. – И как проходит ваша перезагрузка?

Егор пожал плечами.

– Четвертый день здесь. Все классно, как и писали, только... океана маловато. Я же приехал не столько кустики ваши смотреть, сколько за океаном. Москве очень не хватает океана. Был бы океан под боком, может и государство у нас не было бы таким шизоидным. Моя мечта на рыбацкий катер устроится, сплавать в шторм, почувствовать стихию. Хозяин отеля обещал договориться с местными моряками, но пропал куда-то. Вот жду.

Аптекарь неожиданно хлопнул Егора по плечу. Егор почувствовал себя ребенком рядом с папой.

– Если у вас есть время и вам все еще интересно, как я сюда попал, то пошлите посидим. Я расскажу вам свою историю, – сказал аптекарь, указав на дверь, ведущую внутрь дома. Егор кивнул и они пошли в дом. Пройдя через пару комнат, аптекарь привел Егора в небольшую сумрачную комнатку без окон. В углу стоял высокий торшер. Из мебели было три старых офисных кресла. На стене висели две большие иконы. На одной иконе был мужчина, на другой – женщина. Они были в натуральную величину, даже чуть больше. Изображены они были по пояс и висели достаточно высоко – казалось, что загадывают в комнату через окошки. Если бы не еле заметные нимбы и церковнославянские буквы сложно было бы догадаться, что это иконы.

– Иисус Христос. Дева Мария, – сказал аптекарь, показывая на иконы, словно представляя гостю своих знакомых.

– Егор, – сказал гость и кивнул головой.

– Садитесь, а я схожу чаек принесу. Гипотонией не страдаете?

– Нет, – ответил Егор. Иконы его впечатлили.

Аптекарь ушел. Егор хотел достать смартфон и сфоткать иконы, но не решился. Егор уселся в кресло. Аптекарь вернулся быстро с чашками и чайником. Он выдвинул столик на колесиках на середину, быстро расставил чашки и разлил чай.

– Попробуйте. Если вы специалист по чаю, то удивитесь, – сказал Феофил, садясь напротив.

– Я не специалист, – улыбнулся Егор.

– Тогда вам просто понравится. Может сахар? Печенья и конфет в доме не держу. Не люблю. Могу леденцы от горла предложить. Вроде сладкие.

– Не надо ничего. Я и чай не очень-то хочу, просто за компанию, – сказал Егор, беря чашку...

– Моя история не интересней вашей. Тоже по своему обычная. Я родился, учился и жил в Хабаровске. Хотел поступить в «медицинский» на хирурга, но не набрал баллы. Пошел в колледж на «скорую помощь», потом проработал там 26 лет. Сначала фельдшером-водителем, а потом и врачом. Женился, развелся. Не сам развелся, надоел жене. Меня в жизни все устраивало, а у нее были бесконечные проблемы. Плита, водопровод, кровать, погода, лампочки, соседи, клопы – бесконечно можно перечислять. А мне все нравилось, кроме клопов. В конце концов диссонанс между нами стал настолько скрипучим, что мы разошлись. Я оставил ей квартиру, а сам перебрался в общагу. Одиночество сначала показалось мне прекрасным, но очень скоро перестало казаться прекрасным. Мне стало так плохо, так захотелось... не перезагрузиться, как вам, а вообще выкинуть себя и найти нового, другого, на которого приятно было бы в зеркало посмотреть. И тут три года назад во время тайфуна танкер выкинуло на мель. Может, видели это чудище? До сих пор стоит в заливе.

– Только, что видел. Мне он понравился. Такой красивый. На дракона похож.

– Красивый? Не уверен.... В общем, вылилась гора нефти в океан. Трагедия века. Вы в Москве и не слышали, наверное?

– Может что-то и слышал. Не помню.

– А здесь был апокалипсис. Я решил, что мой час настал и поехал сюда волонтером. Главврач не отпускал, так я заявление написал по собственному желанию. Подписали тут же, не расстроились нигде. И я рванул сюда, как на войну... Война оказалась скучной и никому не нужной. Ходили с сетками, черпали черную жижу – все равно, что тряпочками всемирный потоп останавливать. Две недели я тут пробыл, а потом не поверите, легли вечером – не видно нефти конца, проснулись утром – вода чистая, чайки порхают. Чудеса. Один умник, конечно, тут же научно объяснил этот феномен, рассказал про течения, температуру, что-то еще. Но мы не поверили. Одна девчонка сказала, что океан просто умылся. Звучит странно, но скорей всего так оно и было... Потом все разъехались. Я вернулся в Хабаровск, в «общагу». Можно было попроситься назад в «скорую». Скорей всего приняли бы, но сильно ломало. Обида тоже была. 26 лет, прирос почти, а они уволили за одну минуту... И тут вспомнил про этот поселок. Я тут по случаю помощь несколько раз оказывал – и волонтерам и местным. Я подумал, как они тут живут-выживают? Никакой власти тут нет. Даже старосты нет, не говоря уж про полицию, пожарную и больницу. Всё в Мекке, а Мекка – это другой административный округ. А у этого поселка административный центр – 276 км, если по дороге. Я возбудился, написал бумажку и пошел по учреждению с просьбой создать в этом поселке хотя бы «сельскую амбулаторию», и сам вызвался добровольцем. Но меня отовсюду прогнали. Оказалось, что этот поселок никому не нужен. Местных одно время уговаривали переехать в Мекку, дома им предлагали, материальную помощь, а они ни в какую.

– Почему?

– Потому что тут свобода. Никто тебя не пасет. Они же все браконьерят по-тихому. Один из чиновников мне даже крикнул: «Это же натуральная Тортуга!» Помните «Пиратов Кариб-

ского моря»? Там был такой адский пиратский городок. Так и тут. Наловят даров моря, везут улов в ту же Мекку, торгуются-сдают, потом накупят выпивки- жратвы-товаров и сюда. 3 дня работы – неделя отдых или две или месяц. Те у кого хоть какие-то амбиции были, давно уехали. Остались только те, кто всем доволен. Поэтому я сюда и переехал. Аптеку открыл, тоже нелегальную, так что я тоже флибустьер. Плаваю в Мекку, иногда в Сахаровку езжу, покупаю лекарства и продаю здесь, причем за любую цену. Иногда дороже, иногда дешевле. Местные не знают почём деньги. Хотя я не в убытке. Был бы я по-амбициозней, магазин бы тут открыл. Спрос есть. Но зачем мне? Я такой же все. Тихий скромный анархист.

Аптекарь закончил и улыбнулся.

– Классная история, – сказал Егор, хлебнув еще чая, – и чай у вас вкусный. Жаль тут офиса никакого нет, тоже бы тут завис. Офисный флибустьер. Или слишком банально?

– Может еще чайку? – спросил, смеясь, аптекарь.

– Нет, спасибо, – поднял ладони вверх, Егор. – Только вы не все мне рассказали.

– Вообще-то всё. Что еще вы хотите? – не понял аптекарь.

– Вы не рассказали мне про своих друзей, – Егор кивнул на иконы, которые, казалось, слушали их беседу.

– Про них? – аптекарь обернулся и перекрестился. – Ну да, вы правы. Они одна из причин по которой я здесь. Может быть и главная причина. Только про нее сложнее рассказывать, – аптекарь налил себе еще чаю, отхлебнул и продолжил. – Я люблю Христа и я – христианин. И если допустить, что у каждого христианина в этой жизни есть свое призвание, то мое призвание скорей всего миссионерство. Мне взбрело в голову, что Христос посылает меня сюда с целью принести этим людям благовест.

– Классно. И как успехи?

– Не знаю. Скорей всего никак. Но, – аптекарь задумался, – я же не профессиональный миссионер. Я не раздаю брошюры, не пристаю к прохожим, не завожу интимные беседы. Это не моё. Я скорее случайный проповедник.... Не знаю, как сказать... Можно просто смотреть с кем-то в небо или на ребенка или песенку петь хором и, если хор будет достаточно хорош, то тогда и Христос будет рядом. И тогда самых простых слов, которые обычно пролетают мимо ушей, – может быть достаточно, что бы изменить всё. Я один раз уже тут попытался открыть пасть, но получились одни слова. Это было на прошлое Рождество. Была обычная бухаловка, но возникла странная пауза. Я почувствовал, как дыхание, сердцебиение, даже урчание в желудке всех присутствующих сливается в одну большую волну. Чудесное ощущение. И я открыл рот, что бы рассказать про пастухов мерзнувших в поле, про волхвов с мешками, про рожающую в хлеве девочку, но... но изо рта выскочил кролик, как из шапки фокусника – выскочил и поскакал куда-то. Меня конечно выслушали из уважения, но Христос так и не пришел. Волна оказалась слишком хиленькой и не выдержала веса моих слов.

– Вы сильно расстроились?

– Не сильно. Скорее обрадовался. Я понял, что волна возможна. А если она возможна, то я ее дождусь...

4.

– Горка, слушай ушами. У Евы был хвост. Хвост был лохматый, длинный, как раз до земли, если расправить. Хвост был очень эмоциональным – мог в узлы завязываться, мог торчать, как штык. Адам этот хвост очень любил. Ему нравилось наматывать его себе на шею, как шарфик. Он наматывал его себе на шею и говорил: «Я – дома». И он, действительно, был дома.

– Где ты начиталась такой ереси? – спросил Егор, уютно уложив голову между ног Таисии.

– Мне сон приснился. А сны не могут быть ересью.

– И куда этот хвост делся?

– Она его потеряла.

– Какая трагедия, – усмехнулся Егор. Он хотел натянуть на себя простыню, но не дотянулся.

– Ужасная трагедия. Девочка потеряла хвост. Она стала похожей на Адама. Не совсем конечно, но можно перепутать, если надеть штаны и приклепнуть усики. А Адаму еще хуже пришлось. Он стал бездомным. Даже последний бомж не знает насколько он стал бездомным. Ужасная трагедия. Налей-ка мне водички, дружок.

– Слушай, Таюк, может притормозишь немного? Еще двенадцати нет, а бутылка почти пустая.

– Ну, мы же вдвоем заливаем.

– Не правда. Я только два глотка сделал. Я сдохну такую жуть пить. К тому же мне сегодня на ваш день танкиста идти. Придётся глюкать с аборигенами, что б не сожрали, как чужеземца.

– Не отвлекайся, Горка. Двойной, без льда, без колы, без молока и лавровых листочков. Просто остатки водки и сыр свой блатной давай на закусить. Не заставляй меня шевелиться.

Егор выкарабкался из кровати, налил в стакан оставшуюся водку, добавил немного «Кока-колы», взял толстый кусок порезанного сыра, положил на кусок батона и подал хозяйке отеля. Таисия приподнялась на кровати, широко улыбнулась, взяла стакан и бутерброд, медленно выпила, запихала сыр с хлебом в рот, после чего снова упала на кровать, закинув руки вверх.

– Слушай, Таюк, ты с таким распорядком не боишься умереть? Причем не когда-нибудь, как все, а прямо сейчас. Вырубит поджелудочную или мозг превратится в компост. А здесь, кроме юродивого аптекаря, врачей нет.

– Меня Бог бережет, – глупо улыбнулась Таисия и заерзала на простыне, – лучше накрой меня жестко. Давай, Горка.

– Ну, Таюк, – недовольно махнул рукой Егор. – Ты такая классная интересная женщина, но ведешь себя, как... плохо, короче. Ты со своей внешностью-разумностью могла бы столько всего добиться в этой жизни, а забила в нору и бухаешь, как ненормальная. Алкоголь вообще-то вреден не только для здоровья. Эстетика у него мерзкая.

– Взамен хвоста Еве подарили этанол и оргазм. Плохая замена, но не такая уж и плохая. Иди уже сюда... пожалуйста.

– Ментов у вас, вообще, не бывает что ли?

– Редко. В основном, мы сами к ним плаваем. Иногда приезжают за данью, но они хорошие и недорого берут.

– А у вас только браконьеры? Контрабандой не занимаетесь?

– А что тебе надо? «Хонду» какую-нить?

– Ничего не надо. Просто хочу посмотреть на настоящих бандитов.

– Странный ты, Горка. У нас нет ни бандитов, ни контрабандистов и браконьеров тоже нет. У нас только рыбаки-трудяги.

– Жаль. Ну а хулиганы-то должны же быть? Авторитеты какие-нибудь.

– Зачем тебе? Хочешь, что б тебя отпи*дели? Тебе придется очень постараться, потому что у нас люди добрые. Оставить? – Таисия показала на дымящуюся в ее руке сигарету.

– Давай, – чуть, подумав, сказал Егор. Взяв сигарету, он глубоко затянулся, подавился дымом и закашлялся. Таисия стукнула его по спине.

Они едва одетые сидели в небольшом саду на заднем дворе. Сад был засажен яблонями. Яблони были в яблоках. Земля была усыпана плодами в разной степени гниения.

– Хотя у нас есть один бандит, реальный убийца, – сказала Таисия. – Это мой МУжик.

– Александр Григорьевич? – удивленно спросил Егор.

– Видишь тот холмик? – Таисия показала на странную насыпь посреди сада, где-то сантиметров 20 высотой. Егор кивнул. – Под этим холмиком глубокая яма. Она набита обезглавленными трупами. Уже не утрамбуешь, выпирают.

– Трупы? – переспросил Егор.

– Да, трупы. Это мои любовники. Бывшие. Как мужик застучает меня с кем-нибудь, сразу хватается лопату и голову с плеч. Голову отвозит контрабандистам в Мекку – на сигареты меняет, а тушку мы тут закапываем.

– Зачем контрабандистам головы?

– В Японию переправляют. Там есть чуданутые коллекционеры.

Таисия посмотрела на Егора с улыбкой. Егор отвел взгляд. Видно было что он занервничал. Наконец, Егор встал, подошел к сараю и взял прислоненную к стене лопату.

– Я проверю? – спросил он, кивая на холмик.

Таисия звонко засмеялась.

– Я пошутила, – сказала она, – там гнилые яблоки.

Егор поставил лопату на место, вернулся к подруге и сел рядом на скамейку.

– Смешно, конечно, – сказал Егор, – а если серьезно, не боишься, что муж приедет внезапно, а мы тут... – Егор замялся, подбирая нужное слово.

– ...трахаемся, как дети, – подсказала Таисия.

– Скорее, как черти. Не боишься?

– Ни капельки. Ведь мы с тобой не просто фигней страдаем. У нас же любовь, да? Ты же заберешь меня с собой в Москву? Мой мУжик меня отпустит. К твоей жене я тебя не ревную. Ты ж меня только узнал. Но ты сразу разводишься. Что канитель разводить. Детишек можем себе забрать. Я люблю детишек. Квартирку оставим твоей бывшей. Она счастлива будет. А мы купим для нас дачку за городом. А то говорят в Москве машин много, дым-туман, а я дитя природы. Мне нужен свежий воздух. А «Хонду» что б туда-сюда мотаться, можно тут приобрести с бешеной скидкой. Здорово я придумала, зайчик?

Таисия взяла Егора под руку. Егор засмеялся, пытаясь придать смеху оттенок искренности.

– Хорошая шутка, – сказал, наконец, он.

– Смейся, пока для тебя это шутка.

Егор заглянул девушке в глаза. Таисия сделала крайне серьезное выражение лица, но хватило ее ненадолго. Через несколько секунд она захохотала.

– У тебя случайно нет танкистского шлема? – спросил Егор, вертясь перед зеркалом. Он одевался на выход.

– Чего? – засмеялась Таисия. – Совсем сдурел?

– Чисто для маскировки, – ответил Егор, – что б не догадались, что я не танкист.

– В Москве все такие придурочные или у тебя справка?

– То есть, нет шлема? Странно. Одну шарфик тогда. Одну секунду.

Егор пошел в коридор, где так и валялись его вещи. Он быстро вернулся с длинным, ярко-голубым шарфом в цветочек. Таисия, увидев шарфик, снова захохотала.

– Жаль, что «клоун» не комплимент, а то утопила бы тебя в лести, – с трудом сказала она.

Егор обмотал шею шарфом, подмигнул своему отражению и, склонившись над Таисией, крепко поцеловал ее в губы. Таисия попыталась завалить друга к себе на кровать, но Егор выскользнул из ее цепких объятий.

– Меня ждут танки. Ты им проигрываешь по многим параметрам, – сказал Егор и вышел.

5.

Егор специально пришел пораньше. Он думал, что будет в «Сто...я» одним из первых, но у дверей уже играла музыка и курил народ. Егор подошел к крыльцу. Мужчины расступились, пропуская чужака.

– Здравствуйте, – громко сказал Егор и широко улыбнулся.

Кто-то пробормотал «здорово», кто-то «привет», кто-то просто кивнул. Егор достал из кармана сигарету, засунул в рот и похлопал по карманам. Один парень молча протянул ему спички. Егор взял коробок, чиркнул спичкой, но передумал прикуривать.

– Спасибо, – сказал Егор и вернул коробок. Положив сигарету за ухо, Егор поднялся по ступенькам, открыл дверь и зашел в столовую.

В столовой было многолюдно и шумно. Тут тоже курили. Сизый табачный дым клубился под потолком. Посреди зала стоял большой стол, на котором лежала толстая скатерть. Скатерть была заставлена открытыми пивными бутылками. Все остальные столы были сдвинуты в конец зала. Народ толпился вокруг большого стола.

Егор подошел к прилавку. Он хотел взять бутылку пива «для маскировки». На прилавке стоял ящик с пивными бутылками. Егор заглянул за прилавок. Никого не было. Егор вытащил одну бутылку. Он хотел скрутить крышку руками, но она не скручивалась. Егор стал искать глазами открывашку. Тем временем из подсобного помещения, вытирая руки, вышла продавщица Валерия.

– Эй, притомози, – сказала она, вместо приветствия. – 150 с тебя.

– Добрый вечер, Валерия, – сказал Егор. – Вы же мне должны бутылку и кредит у меня.

– У Валерии и спрашивай. Я – Варя, – ответила продавщица и замерла в ожидании денег.

Егор полез в карман, достал 200 рублей и протянул их продавщице. Продавщица положила деньги в кассу, достала 50 рублей сдачи и бросила на прилавок. Егор смотрел на продавщицу с удивлением. Это однозначно была Валерия, даже татуированная буква «В» на руке была такой же.

– Мы с Валерией близняшки, – ответила, наконец, продавщица на вопросительный взгляд. – Открыть?

– Если не трудно, – сказал Егор и протянул женщине бутылку.

Варя взяла бутылку, ткнула горлышком в глаз, дернула и подняла голову. Вместо глаза торчала пробка. Выглядело это крайне глупо. Продавщица выбросила пробку в мусор, а открытую бутылку поставила на прилавок, после чего снова ушла в подсобку. Егор взял бутылку и пошел к шумной компании.

Это была полностью мужская компания, человек 12-15. На появление Егора никто не отреагировал. Осмотревшись, Егор обнаружил, что заставленная бутылками скатерть на самом деле не скатерть. Это был красный флаг со звездой и золотистыми кисточками по краям.

Егор хлебнул пива и чуть не выплюнул его на пол. Вкус был жуткий. Точно не «Хайникен». Егор посмотрел на этикетку. Пиво называлось «Сливочным». На этикетке была морда суровой коровы в бескозырке. Реализм был пугающим.

Егор стал искать в толпе ремонтников с вчерашнего катера или ковбоя-бомжа или хотя бы аптекаря Феофила. Знакомых не было. Вдруг Егор поймал на себе суровый взгляд. На него не отрываясь смотрел невысокий квадратный мужчина в черном плаще. Взгляд был недружелюбным. Егор широко улыбнулся в ответ. Квадратный мужчина никак не отреагировал на его улыбку. Егор отвел взгляд и стал прислушиваться к разговору.

Солировал мужичок средних лет в синей толстовке. Он стоял в центре круга и размахивая руками рассказывал свою историю. Егор догадался, что мужичок рассказывает про недавно просмотренное кино. Главной проблемой фильма было, что «написали «эротика», а сиськи бабы так и не показали».

– ...значит бракованные они. Когда у артистки сиськи красивые, она ими везде машет. Будет кино про хромую собачку, она и там их развесит. Стеснительность – прошлый век. Сей-

час, если девка не хочет раздеваться, значит только, что она дефектная. Написали, гады, «эротический триллер, 18+», а только задницу борова показали. Зачем мне эта задница? Я и на свою могу полюбоваться – спина гибкая. Я девчонку хотел заценить. А то, что она стонала пол фильма, так это и подделать можно. Может это кошку за хвост дергали?

– А как ее звали? – вступил в разговор Егор.

Вся компания, как по команде, уставилась на чужака.

– Я не про кошку, я про актрису, – стал объяснять Егор. – Просто, если порыться, то можно найти откровенные фото практически любой актрисы. А если найдем фото, то можно будет проверить теорию о дефективности скромниц.

Мужичок в толстовке вразвалочку подошел к Егору.

– Татарин, – представился он, протягивая руку.

– Русский... по паспорту, – ответил Егор, пожимая руку. В компании послышались смешки.

– А по имени если? – оскалил зубы Татарин.

– Егор.

Егор поправил свой голубенький шарф.

– Откуда к нам пожаловали? – продолжал скалиться Татарин.

– Из Москвы.

– Значит по делам. Ну и почему брать будем?

– Что брать? – не понял Егор.

– Я откуда знаю. Краб, трепанг, гребешок, шримс, Япония? Или в поисках эксклюзива?

– Нет. У меня совсем другие дела.

Егор сделал несколько глотков помойного пива, что бы чем-то занять затянувшуюся паузу.

– Извини, братан, а что этот красивенький шарфик означает? – спросил Татарин. – Можно потрогать?

– Потрогай, – ответил Егор.

Татарин взял конец шарфа и помял его в руках.

– Мягкий, – сказал Татарин. – Это, наверное, тоже намек? Или, как у вас говорят, призыв. Или у вас так не говорят? Извини, братан, но мы тут народ отсталый. Нам все девчачьи сиськи подавай. Шарфики призывные не носим. Тебе из нас кто-то уже приглянулся? Может, меня просветишь? А то от наших баб ласки не дождешься.

Татарин сложил руки по швам и, зажмурив глаза, подвернулся к Егору задом и нагнулся. Компания засмеялась.

– Наконец понял о чем ты, – сказал Егор тоже засмеявшись, – но извини, братан, я не прелюбодействую с мужчинами.

– С чего вдруг? Неужели блаженная Таисия опять сотворила чудо? – захохотал Татарин.

Все засмеялись. Смех был достаточно дружелюбным. Егор стал обводить взглядом присутствующих и опять наткнулся на суровый взгляд квадратного мужчины. Мужчина продолжал сверлить глазами чужака...

Татарин отстал от Егора и пошел в туалет. Разговор перескочил на приближающийся тайфун. По прогнозам синоптиков он должен был прийти сюда через неделю. Тайфуны здесь бывали раз в 3-5 лет. Мужики обсудили вероятность того, что тайфун пройдет мимо и сошлись на том, что «пи*дец неизбежен». Паники не было, но и радости тоже не было никакой. Потом стали обсуждать жен, детей. Егор стоял в толпе, смеялся вместе со всеми и даже что-то вставлял в разговор. Правда, его никто не слушал.

Егор допил бутылку и купил еще одну, хотя пиво уже не лезло. Сделав пару глотков из новой бутылки, он почувствовал приступ тошноты. Егор поставил бутылку на стол и сделал

несколько глубоких вдохов. Приступ отступил. Егор снова взял бутылку и тут же его схватили за руку.

– Что борзеешь! Это мой пузырь! – резко сказал ему длинный сутулый, коротко стриженный, парень в майке без рукавов. Парень хотел вырвать бутылку из рук Егора, но Егор ловко переложил бутылку в другую руку и вытянул ее далеко в сторону.

– Что?! – зло закричал парень и схватил Егора за шарф. – Отдай, сказал. Кто ты вообще такой? Какого сюда приехал?

Парень был сильно пьян и выглядел агрессивно.

– У меня здесь дело, – спокойно ответил Егор.

– Какое у тебя здесь может быть дело?! – продолжал орать парень.

– У меня любовь.

– Что?

– Я люблю Таисию.

Агрессия парня мгновенно превратилась в недоумение.

– И Таисия любит меня, – продолжал тем временем Егор. – Мыждемся ее мужа, договоримся о разводе, потом поженимся и я увезу ее с собой.

Парень выпучил свои узкие глазки, отпустил шарф и истерично захохотал. Остальные мужики, с любопытством следившие за конфликтом, тоже засмеялись.

– Слышали хохму, – сквозь смех, закричал парень, – блин, это даже не хохма, это хохохма с крылышками. «Любят друг друга». Эй, дебил, – обратился он к Егору, который тем временем, пользуясь моментом, глотнул еще пива, – знаешь, сколько у обычной бабы дыр?

Егор снова отодвинул руку с бутылкой в сторону.

– Да ставь, не бойсь, – продолжал смеяться парень. – После тебя точно теперь пить не буду. Подхватчу еще бациллу. У обычной бабы три дыры. Так вот, жених, неделю назад я твою невесту мылил в поту во все три дыры, норматив ГТО сдавал. Обкончались и я и она. И все чисто по любви. На красном диванчике, знаешь, наверное?

Егор застыл.

– Вот смотри, – продолжал парень, размахивая руками. Он подошел к одному из мужиков и положил ему руку на плечо. – Чем уникален Дохла? Он тут единственный кто твою невесту не трахал. Говорит жене верен, хотя скорей со стояком проблемы. Да, Дохла? А так все ее имели: когда толпой, когда укромно, когда в каюте, когда на лавке или в кустиках. И всё по любви. Наши бабы даже не ревнуют к ней. Начнешь к своей приставать, а она «блин, у меня пришли вчера, сходи к Тайке, если так невтерпёж». Вот такой у нас коммунизм. А так женись, если хочешь. Мы люди свободные. Только адресок нам свой чиркни, на случай, если невтерпёж будет.

Парень захохотал. Егор растерянно обвел мужиков взглядом. Они смотрели на него, подтверждая улыбками сказанные слова. Егор снова приложил бутылку к губам, сделал один глоток, потом еще. Парень подошел к Егору и схватил его за шарф.

– Видишь, ушлепок, как хорошо всё обошлось. Даже бить тебя не пришлось.

Парень, упрямо смотря в глаза Егору, приблизился вплотную, чуть носом к носу не коснулись. У Егора был полный рот пива. Он попытался его проглотить, но оно не глоталось. Что-то запершило в горле и Егор залпом окатил парня пивом, перемешанным со слюной. Парень отскочил, в крик заматерился и стал отряхиваться. Егор вытер рот рукавом. Парень в ярости подскочил к Егору и ударил ему в нос своим острым кулаком. Егор пошатнулся, но не упал. Из носа полилась кровь. Все замерли в ожидании драки. Егор сделал вдох-выдох, потом схватил рукой знамя, лежащее на столе и со всей силы дернул. Открытые бутылки посыпались в разные стороны. Пиво потекло рекой. Егор собрал тяжелое знамя руками и бросил им в своего противника.

– На. Подотри свое пустое место, – сказал Егор и почувствовал, что его прямо сейчас вырвет. Он зажал рот рукой и быстро пошел на выход. Мужики расступились перед ним. Егор выскочил на улицу, прыгнул с порога, отбежал в сторону, упал на колени и вонючая жидкость вырвалась из его рта. Егора тошнило минут пять. И кровь из разбитого носа текла. Егор несколько раз вытирал свое лицо шарфом. Наконец стало легче. Егор с трудом поднялся, доплелся до скамейки и плюхнулся на нее. Надо было отдышаться. На улице быстро темнело. Загорелся свет в домище напротив. Егор приложил шарф к носу, пытаясь остановить кровь.

Вдруг кто-то коснулся его плеча. Егор обернулся. Это был суровый квадратный мужчина, который весь вечер сверлил его взглядом. Брови его по-прежнему были грозно сдвинуты. Мужчина кивнул Егору и обошел скамейку.

– Подвинься, – попросил он, хотя на скамейке было полно свободного места. Егор подвинулся и мужчина уселся рядом.

– Как ты? – спросил он.

– Нормально, – ответил Егор.

– Надо поговорить.

– Говорите.

– Не здесь.

Егор посмотрел на мужчину. Мужчина показал рукой на светящийся домище.

– Ваш что ли? – спросил Егор.

Мужчина кивнул.

6.

– На, выпей.

Мужчина, который представился, как Генрих, протянул Егору бокал с мутной жидкостью.

– Спасибо, – сказал Егор, отрицательно покачав головой.

– Надо. Это лекарство.

Егор еще раз отрицательно покачал головой.

– Как хочешь, – сказал Генрих, сам выпил «лекарство» и снова вышел.

Егор сидел в огромной гостиной на мягком низком кресле. Внутри дом был таким же, как и снаружи – нелепо роскошным. Сочетание цветов и вещей было глупейшим несмотря на очевидную дороговизну интерьера. Денег пожалели только на дизайнера. Генрих вернулся и сел напротив.

– Откуда у тебя этот шарф? – спросил он.

– Из магазина. Вы шарфов здесь, что ли, никогда не видели?

Мужчина отвел взгляд и Егору на мгновение показалось, что у него блеснули слезы.

– Я хочу тебе помочь, – сказал Генрих.

– Мне не нужна помощь, – ответил Егор.

– Тебе нужна помощь.

Егор помолчал.

– ДэВэ, перезагрузка, точка, ЭрЭф, без пробелов, – после затянувшейся паузы сказал Генрих. Егор снова помолчал.

– Красивый сайт. Кучу денег стоил. Чуть не в Новосибирске заказывали, – продолжил хозяин дома. – Ты же через него про нас узнал? Решил перезагрузиться? Тут встретил сразу же Тайку и понеслась перезагрузка. С Шукой общался?

– С шукой? Ну, ел уху когда-то, если это можно назвать общением?

– Нет, с хозяином гостиницы, с Александром или Александром Григорьевичем? У нас его Шукой зовут, – пояснил Генрих.

– Вам-то какое дело с кем я общался?

– Не ерпенься. Я всё знаю. Ты переписывался с ним. Он тебе пообещал природу и экскурсии. Ты впечатлился, специальную анкету заполнил, деньги заплатил, приехал, а хозяин пропал. Даже СМС-ку не скинул. «Как-то странно, но и фиг с ним. Тут такая хозяйка, что камасутра дилетантский лепет. Дитя природы. Таких на суше точно не бывает. Может это и есть любовь? Надо увезти ее с собой». Так же было?

Егор снова не ответил. Он теребил конец своего шарфа.

– Хочешь, я тебе скажу, где сейчас хозяин гостиницы? – медленно произнося слова, спросил Генрих.

– Это вы? – удивленно подняв брови, спросил Егор, пораженный пришедшей ему в голову мыслью.

Хозяин захохотал. Он не собирался хохотать, серьезность окаменела на его лице, но удержаться на смог.

– Оригинальный бред, но я не Щука. Думаешь, откуда я все знаю? – сказал Генрих, наконец. – Просто всё у них идет одинаково. Бросают червячка, рыбина клюет, ее вытаскивают и съедают. Ты не первый такой.

– Вы о чем? – не понял Егор.

– Твой Александр, который Щука, сейчас в Мекке, на том берегу, у мамочки своей. У него там есть кабинет с мониторами и он наблюдает за вашими извращениями в режиме онлайн. Как выпадает свободная минутка, он вырезает особо острые моменты – кино монтирует. Понимаешь? Их отель весь в скрытых камерах. Даже в сортире 3 или 4 стоит. Бригада из Сахаровки приезжала, неделю устанавливала.

– Зачем? – удивился Егор.

– Как зачем? Зачем снимают фильмы? За деньгами, конечно. Твоими деньгами.

– Ого, – удивился Егор. – Он торгует порно?

Хозяин засмеялся.

– Ты о себе высокого мнения. Подумай еще.

Егор задумался.

– Раз ты здесь, то у тебя наверняка есть хорошая работа, жена, дети, родители, – сказал Генрих, поняв, что ответа вряд ли дождется. – Они выбирают максимально уязвимых жертв. Тебя не удивило, что потребовалось указать координаты всех близких тебе людей?

– Удивило немного, но здесь же приграничный район.

– И ты всё честно указал?

– Да. ФСБ же проверяет.

– ФСБ? Ловко. И ты думаешь, что твои близкие обрадуются, когда увидят, как ты отдыхал?

– А, – понял Егор и засмеялся, – он хочет меня этим видео шантажировать что ли?

– Да, шантажировать, – нахмурился Генрих, – и что тут смешного?

– Единственный человек, которым меня можно шантажировать будет в этом фильме в главной женской роли.

Генрих еще сильнее нахмурился.

– Поймите, – стал с улыбкой объяснять Егор, – с женой мы год уже не живем, даже если посмотрит видео, плюнет и забудет; на работе у нас мужской коллектив – они только обхохочутся, потому что любят порнушку; родители в разводе: мама скажет: «молодец, сынок, хорошую девчонку нашел, не то что та мочалка», а папа полезет ко мне со своими уроками, как правильно совать бабам. Слушать это утомительно, но денег не просит. Так что не очень умная у вас Щука.

– Ты хочешь, что бы тебе отрубили голову и зарыли на заднем дворе? – побагровев от злости, прокричал Генрих, вскочив с кресла.

– Нет, – перестал смеяться Егор, – не хочу.

– Удивительно. Первое разумное слово от тебя за весь вечер.

– Я хочу, что бы меня утопили в океане, – добавил Егор.

Генрих махнул рукой, подошел к комоду, налил себе еще «лекарства» и выпил.

– Вы не поняли, – сказал Егор, снова улыбнувшись. – Океан – это не каприз. Есть такой ученый Владимир Ильич Ларисин, профессор. Рассказать вам его теорию про океан?

– Нет, – гавкнул Генрих. – Иди ты в жопу со своим океаном! Ты юридивый что ли? Тебе говорят, что твою зазнобу порют на каждом углу – ты лыбишься. Тебе говорят, что она за деньги тебе готова голову отрезать – ты опять счастлив. Или ты издеваешься надо мной?

– А Тая здесь причем? – нахмурился Егор.

– Притом что они с Шукой – напарники! – продолжал орать Генрих. – Парочка бандитов-мошенников. Проверь свои документы. Наверняка, паспорт свистнула уже. А завтра она нож к горлу приставит и не для порноигр. Очнись, Ромео! Вроде не школьник уже.

– Вы просто плохо знаете Таю, – сказал Егор после небольшой паузы.

Генрих сжал кулаки, лицо его покраснело. Казалось, он вот-вот набросится на Егора, но вместо этого Генрих неожиданно вскинул вверх брови и зарыдал, закрыв лицо руками.

– Ну вот, – пробормотал Егор, вставая, – что опять не так?

Генрих зло махнул на него рукой. Егор подошел к нему поближе и после небольших раздумий, похлопал по плечу. Генрих зло посмотрел на него.

– Думаешь, что я тут перед тобой скачу? С чего пытаюсь помочь? – всхлипывая, пробурчал хозяин дома.

– Понятия не имею, – искренне сказал Егор.

– Все из-за этого проклятого шарфа, – пробормотал Генрих. Егор развел руками, показывая, что ничего не понимает. – Мой Рустамчик ходил точно с таким же шарфом и точно так же меня бесил.

– С таким же шарфом? – удивился Егор.

– Один в один. Только розовеньким, но цветочки такие же. Я только тебя увидел, меня сразу замкнуло.

– Рустамчик это ваш...?

– Сын, – не дал угадать гостю Генрих, – мой сын. Его убили пол года назад. Зарезали. В Находке учился. Даже на похороны не успел... Так же как ты выделялся. Хихикал, смеялся и бесил всех. Досмеялся. Что ж вы такие... уроды.

– Понятно, – сказал Егор и налил Генриху в бокал его алкоголь. Судя по этикетке это было саке, – выпейте.

Генрих взял бокал и залпом выпил.

– Я не ваш сын, – добавил Егор, – а с шарфами полмира ходит. Успокойтесь.

В этот момент за окном загрохотало. Егор, вздрогнув, вопросительно посмотрел на Генриха.

– Салют, – сказал Генрих. Он взял себя в руки. – Ребята расходятся. Завтра с утра хотят идти в море за крабом. Пока тайфун не пришел.

– Что-то рано закончили. Я думал всю ночь будут гулять, – сказал Егор. – Слушайте, я был вчера на пирсе. Там катер стоит чудной со статуей на носу. Он случайно не ваш?

– И чем он чудной? На носу стоит Портун, бог гаваней, что бы корабль всегда возвращался домой.

– Слушайте, может, возьмете меня в море? Просто моряком-чернорабочим. Буду делать, всё что скажите.

– Нет, – отрезал Генрих.

– А если я заплачу?

– Нет, – повысил голос Генрих. – Мне не нужны на борту уроды.

– Вы, правда, считаете меня уродом? – спросил Егор.

Генрих улыбнулся и выпустил пару смешков.

– Нет, Егор, – сказал он чуть ли не ласково. – Скорее, я урод. Не обижайся.

– Хорошо, не буду. Так может все-таки возьмете меня в море?

– Я тебе уже ответил, – сказал Генрих, но уже без раздражения.

– Жаль, – улыбнулся Егор, – тогда я пойду?

– Иди, а то кто-нибудь завернет ненароком к твоей зазнобе, – усмехнулся Генрих.

– Уже не смешно. Адьюс, кабальеро.

Егор пожал протянутую Генрихом руку и пошел к выходу.

– Постой, – остановил его хозяин у входной двери. – Ты своей невесте не говори про наш разговор и не бегай глазами, камеры не ищи, а то они сразу прочухают. Если честно, дожидаться Шуку не просто плохая идея, а крайне плохая идея. Паспорт хотя бы проверь и с собой носи. И посмотри на Таисию не через пи*ду хоть разок. Даже если зрение «минус 7» иногда нужно снимать очки. И, если твой мозг воскреснет случайно, то беги оттуда. Если надумаешь, дай знать. Я помогу тебе с побегом. Хорошо?

– Ужасно, – засмеялся Егор и похлопал Генриха по плечу. – Если мне отрежут голову, отыщу на том свете вашего сына и передам ему, что вы его любите...

Егор зашел в «Сто..я». Зал был пустым. Только продавщица танцевала с шваброй вокруг ведра. Увидев Егора продавщица положила швабру и подошла к москвичу.

– Привет, чудак. Помню, пиво должна. Дать?

– Вы уже Валерия что ли? – недоверчиво спросил Егор, рассматривая продавщицу. «Розыгрыш продолжается», – решил он, потому что это однозначно была одна и та же женщина.

– Ну да, – ответила продавщица. – Открыть пиво, а то мне некогда?

– Не надо. Я пойду. Много дел.

– Иди, – сказала Валерия и пошла назад к своей швабре.

– А как вы крышки на бутылки накручиваете? – спросил ей в след Егор.

– Что? – остановилась Валерия.

– Ну, вы же пиво в вашей чудо-микроволновке варите из капусты, аспирина и обувного крема. С этим понятно. Но как вы крышку на бутылку накручиваете, не могу понять.

Продавщица хмыкнула.

– Это японское разливное. В Мекке упаковывают в бутылки, так дешевле получается – мне дешевле. Этикетка дурацкая, согласна. Предлагала поставить иероглиф и подписать для тупых, что пиво, но у нас же бухгалтерша коров рисовать умеет. Есть еще вопросы?

– Есть. Один. А кто главней Валерия или Варя?

– Родственные чувства главнее, – ответила продавщица и вернулась к швабре.

Егор вышел на улицу. Светила луна, поэтому было более-менее светло. Егор направился к берегу. Он хотел посидеть-посмотреть на ночной океан. Проходя через площадь, Егор заметил, что кто-то сидит на лавке. Егор свернул. На лавке с бутылкой пива сидел мужичок в тельняшке, который представился как Татарин. Егор сел рядом.

– Привет еще раз, – сказал Егор. Татарин посмотрел на чужака.

– Болит нос? – спросил он.

– Немного. Как тебя зовут по-нормальному? – спросил Егор.

– Мент что ли? – нахмурился Татарин.

– Скорее наоборот.

– Наоборот? Жопа мента что ли?

– Смешно, но не очень. Ты сам-то не мент?

– Хочешь дать показания?

– У меня серьезный разговор, – сказал Егор и достал сигарету. – Мне показалось, что ты тут.. авторитет.

– Да ты что? И что надо?

Егор чиркнул спичкой и закурил. Татарин внимательно посмотрел на него.

– У меня есть 20 тысяч долларов, – сказал наконец Егор.

– И?

Егор закашлялся, потушил сигарету об землю, встал, выбросил окурочек в урну и снова сел рядом с Татаринцем.

– Мне в Японию надо, – сказал Егор вполголоса.

– Поздравляю.

– Мне надо в Японию, – повторил Егор. – Очень надо.

– Послушай, купи билет на самолет и лети куда хочешь.

– Мне не продадут билет. Я в розыске. По политическим мотивам. А в Японии меня ждут.

– А мы то тут причем? – в голосе Татарина послышалось раздражение. – Мы в Японию рядом не плаваем. Карту посмотри.

Егор покачал головой.

– Если вкратце, то вы чуть отклоняетесь, плывете в сторону острова Койня до границы, чуть заплываете за границу. Это всего-то пару часов, сажают меня в лодку и вся работа, – быстро проговорил Егор.

– Может тебя тут утопить? Что далеко плавать?

– Я не закончил. Самая сложность, что деньги будут только после. Я уже из Японии пришло. Но я могу дать вам гарантии.

– Гарантии?

– Могу дать честное слово.

– Честное слово? Понятно, – сказал Татарин. – И что ты планируешь среди океана в лодке делать?

– Я дам сигнал и меня подберут японские пограничники. Аджасия ходжами ми хайес, – последнюю фразу Егор промурлыкал с кошачьим акцентом.

– Что? – не понял Татарин.

– Я очень важная персона, перевод с японского, – сказал Егор.

Татарин покачал головой и задумался.

– Езжай назад в Москву, дай объявление. Там тебя обязательно посадят в лодку и толкнут до Хирамото. Только деньги вперед надо.

7.

Бесконечные звезды переливались в черном небе. Луна висела круглым бирюзовым фонарем. Было очень светло для второго часа ночи. Волны, чуть шелестя, накатывали на берег. Егор сидел на галечном пляже и смотрел на волны. Уже пару часов прошло, как он пришел сюда, а уходить не хотелось.

За спиной зашуршала галька. Егор обернулся. К нему приближалась Таисия. Она подошла к нему и засияла ярче луны.

– Я как раз о тебе думал, – сказал, засияв в ответ, Егор.

– Ладно врать. Если бы ты обо мне думал, то не прятался бы. Я весь поселок обегала – тебя искала.

Таисия плюхнулась рядом с Егором.

– Когда ты рядом, про тебя сложно думать, – сказал Егор. – Зачем ты меня искала?

– Неприлично девушкам задавать такие вопросы.

Егор засмеялся.

– Что такое океан? – спросил он после паузы.

– Что такое океан? Это знает Капитан, – сказала Таисия.

– А дальше? – спросил Егор, ожидая продолжения.

– Дав дочурке подзатыльник, – продолжила Таисия, –

Он откроет холодильник.

Лихо миксанет в стакане

Все секреты океаны,

И разверзнет, как труба:

«Океан – это вода!»

– Вода? – переспросил Егор. – Оригинально. Твоему капитану можно доверять?

– Конечно. Только не деньги.

– А где мистика? Должна же быть хоть какая-нибудь мистика. Меня моя барышня-продюсер попросила ввести в сериал немного мистики – бюджетной мистики, без спецэффектов, что-нибудь лирическое. Скажем, говорящий океан. Накатывают волны и с шипением пены выдают какие-нибудь откровения, типа: «Не люби Ивана, он тебе с Родиной изменяет» или «Беги отсюда, а то голову отрежут лопатой». С тобой океан разговаривал хоть раз?

– Нет. Со мной даже рыбы не разговаривают, – ответила Таисия. – Как твой сценарий продвигается?

– Складывается помаленьку. Вот только океан молчит, собака. Хоть бы чудище какое из него вылезло, а то могут командировку не оплатить.

– Вылезет, не переживай. И сожрёт с потрохами.

Таисия положила руку Егору между ног.

– Ты хочешь прямо здесь? – напрягся Егор.

– Нет, – ответила Таисия, – просто так теплее.

Они просидели молча с полчаса.

– Какой-то океан тихий, – прервала молчание Таисия. – Уже пятый день. Похоже, жуть какая-то назревает.

– Ты про тайфун? Сегодня весь вечер про него говорили.

– Тайфун – это ветер и дождь. Главное в норку орешков натаскать и партнера ловкого под бок – не заметишь, как пройдет.

– А что тогда жуть?

– Понятия не имею.

Они просидели молча еще с полчаса.

– Как тебе день танкиста? – вспомнила Таисия. – Смотрю, нос разбили.

– Разбили, но было не так уж и весело.

– Про меня, что ли, ребята рассказывали?

– Не только ребята, – сказал Егор и, сдвинув брови, посмотрел на Таисию. Она по-прежнему сияла. – Бесплатная давалка. Какая мерзость. Хуже твоей гадкой водки. Зачем тебе это надо? Ладно бы было «30 витязей прекрасных». Еще можно как-то понять. А то эти плешивые вонючие сморчки. Брезгливость должна же работать.

– Ты рассуждаешь, как настоящий мужчина, – с улыбкой сказала Таисия, – настоящий тупой мужчина.

– Ты хиппанка что ли? Колокольчик в волосах, банан во заднице? Очнись, твои братья-сестры давно по ВИЧ-лечебницам хиппуют. Вообще тебя не понимаю.

– Всё ты прекрасно понимаешь. Просто чуть прихватил от ребят занудства и ворчишь. Поворчи еще. Мне нравится.

– Еще смеется. Объясни зачем? – продолжал возмущаться Егор. – Ради секса? А ты знаешь, что если с одним и тем же партнером заниматься сексом, то секс будет удовлетворительней.

– Удовлетворительней? – засмеялась Таисия. – Я всегда была отличницей.

– Блин, а если без смеха? – продолжал хмуриться Егор.

– Хорошо, без смеха, – Таисия стала морщить свой красивый лоб. – Или никому или всем. С первым как-то сразу не задалось.

Егор покачал головой и отвернулся.

– Ко-ко-ко, – закудаhtала Таисия, толкая Егора в бок. – Ты – петушок-наседка или альфа-овечка? Оставь эту участь ребятам. У них лучше получается. Ты же не такой. Тебе не нужны шлюшки, что бы быть мужчиной. Я тебя сразу узнала. С первого глотка твоего кальвадоса.

Егор повернулся к Таисии и улыбнулся. Он похоже ворчал понарошку.

– Я тебя так ждала, – сказала Таисия.

Улыбка Егора стала шире.

– Знаешь кто ты? – спросила девушка.

– Скажи.

– Ты – конь.

– Что? – недоуменно спросил Егор.

– Тот самый белый конь, на котором прискачет за мной мой принц.

Егор засмеялся и сжал Таисию в объятьях. После долгого поцелуя они снова погрузились в созерцание.

– Рассказать тебе, что я знаю про океан, – прервал тишину Егор.

– Давай.

– Только это длинная история.

– Давай.

– В Питере, если слышала про такой город, жил ученый. Звали его Владимир Ильич Ларисин. Он был профессором антропологии, великим остеологом.

– Кем?

– Остеология изучает человеческий скелет. Специализацией Ларисина были кости: химия костей, физика, математика и так далее. Он преподавал в университете, писал научные труды, ездил на симпозиумы, жил обычной профессорской жизнью, пока постепенно не стал обнаруживать в костях неведомую мистическую составляющую. Я читал его научные труды и вообще ничего не понял, сплошной инопланетный язык. Но к счастью профессор Ларисин сподобился написать свою главную книгу, «Лабиринты Шеола» называется. В этой книге он свое открытие объяснил научно-популярно... Ты знаешь, что после смерти душа не умирает?

– Да ты что? – усмехнулась Таисия.

– Да, не умирает. И существует много разных версий, где эта душа находится после смерти. Рай, ад, шеол, другие слова. Так вот. Товарищ Ларисин нашел место обитания души опытным путем. Он чуть ли не увидел ее. Душа человека живет в его же костях, кости ее посмертное жилище. «При жизни душа застревает в теле, а после смерти тело застревает в душе». Это цитата Ларисина. Он нашел в костях шевелящуюся душу. Короче, профессор свихнулся на своем открытии и стал работать в этом направлении. Он настолько увлекся, что его чуть не посадили за незаконную эксгумацию трупов. Посадить не посадили, но из университета выгнали. Всех достали его бесконечные лирические отступления во время лекций. Профессор тогда сел писать свои «Лабиринты». Интересная книга. Своеобразный Данте только без поэзии. Исследуется зависимость посмертной участи души от посмертной участи тела. Никакого наказания за грехи и награды за добродетель. То есть какое-то влияние есть, но очень своеобразное. Вообще, самое милое в этой книге – нелогичность. Она основана не на теории, а на практике. Профессор сам не знает, почему именно так, а не иначе. Он просто излагает факты и пожимает плечами. Для примера, самое логичное: если труп растворить в кислоте, то душа практически сразу находит себе новое тело – то есть классическое переселение душ. Правда, быстрое переселение приводит к измельчанию души, ее вырождению. Если тело кремировать, то все равно остаются достаточно живучие куски костей и тогда посмертное существование души может стать реальным адом. Но этот ад может достаточно быстро закончиться, в зависи-

мости насколько хорошо прогорел труп... Гробы, особенно качественные, тоже плохая история. Человек попадает в железобетонные узкие замкнутые коридоры, похожие на лабиринт и он ищет выход, а выхода нет, разумеется. Человек задыхается и не может задохнуться. Он ходит, бродит и скрипит зубами. Гробы со временем гниют, кладбища разрушаются и душе тогда становится полегче... Еще есть термин «та самая кость». Душа не живет во всем скелете, а останавливается в одном месте, в одной кости... Еще еда влияет на посмертную участь. Хуже всего есть сырые овощи. Особенно ужасна морковь и пастернак. Хорошая еда – сыр, соя, сало, и вообще свинина, вино, кстати и вообще алкоголь. Там длинный список, по-своему увлекательный, никак не пересекающийся ни с одной диетой. Еще влияет гигиена. Плохо часто мыться, особенно некоторые места. Грязным ходить, тоже не очень хорошо... Также очень важен момент смерти. Лучшая смерть – это отрубание головы, особенно в бою. Гильотина тоже хороша – и голова отрубается и испытываешь ужас. Худшая смерть – это добровольная эвтаназия, особенно с помощью наркотических средств. Плохая смерть – во сне и так далее... Но все равно основное влияние на посмертную участь имеют состояние остатков тела, скелета. Мумифицирование Ларисин считает хорошей идеей. Тело продолжает как бы человеческую жизнь, совершенно другую, но похожую по смыслу. Особенно хорошо естественное мумифицирование в болоте или во льду. Вообще, естественное разложение на природе гораздо лучше разложения в пронумерованной яме на кладбище. Сгореть на пожаре в естественных условиях лучше, чем сгореть трупом в крематории. Тебе интересно?

– Нет, – сказала Таисия. Она несколько раз зевнула, – но ты рассказывай. Мне нравится, когда ты такой увлеченный и глаза горят.

– Жаль, что не интересно. Тогда я быстро закончу, – сказал Егор. – Хорошо утонуть в болоте, а еще лучше утонуть в реке, ну а самое идеальное место захоронения – это океан, соленая вода. Если твои кости покоятся в океане, то твоей душе повезло. Также не интересно?

– Нет, Горка, совсем не интересно. Даже странно, что ты веришь в эту чушь.

– Я не верю в эту чушь. Я знал профессора Ларисина. И он на моих глазах сотворил чудо.

– Что ж он сделал? Превратился в носок?

– Нет.

– Если не умеет превращаться в носок, значит не волшебник.

Егор нахмурился и отвернулся.

– Ладно, Горка, – смеясь, толкнула его Таисия, – расскажи мне про чудо. Мне очень интересно.

– Ну, слушай, – с готовностью стал рассказывать Егор. – У меня был родной брат. Он был своеобразным человеком, а если точнее, просто бандитом. Он входил в дружную банду. Четыре друга угоняли и продавали автомобили. Дела у них шли прекрасно, пока мой брат не погиб в аварии. За ним гналась полиция, выехал на «встречку», фура, бабах и всё. Его бы зарыли-забыли с почестями, но он оставил своим подельникам одну проблему. Бандиты-угонщики «общак» положили в банковскую ячейку, а 16-значный пароль поделили на четверых, то есть каждый знал только свои четыре цифры. В каком-то кино подсмотрели и показалось им остроумно. Открыть сейф можно только собравшись всем вместе. Фуру на встрече они как-то не учли. Что поделат, один семестр ВУЗа на четверых. Пошли ребята в банк, спрашивают: «что делать?», им говорят: «вспоминайте пароль или прощайтесь с деньгами». Ребята задумались. Надо было как-то связаться с усопшим. Ребята не были атеистами и верили, что душа моего брата где-то витает с заветными цифрами. Порывшись в теме, они обратились к великому экстрасенсу. Тот с радостью согласился помочь. За две тысячи баксов он сбегал в ад, отыскал там душу брата, записал цифры и отдал ребятам. Правда, цифр было пять вместо четырех. Экстрасенс сбегал еще раз, принес четыре. Ребята пошли в банк. Цифры оказались не те. Ребята вернулись к великому экстрасенсу, подвесили его за ноги, а он заладил, что во всем виноват их покойный друг, мой брат, то есть. Мол, он не хочет говорить правильный пароль,

а подвесить его так же за ноги не позволяют черти. Это их бизнес. Ребята не были убийцами, нанимать убийц – денег опять же жалко, поэтому они просто сломали экстрасенсу обе руки и отпустили.

Потом они обратились к колдунье, потом к целительнице, потом к шаману летали на Чукотку. Деньги все брали с радостью, цифры приносили разные – результат нулевой. Ребята приуныли. Даже хотели ограбить этот банк, но грабить собственные деньги было идиотизмом даже для них. И тут, они случайно наткнулись на профессора Ларисина. Он читал лекцию в местном Доме Культуры. Ребята увидели распечатанную на черно белом принтере афишу: «Общайтесь с усопшими. Бесплатная лекция гениального профессора Ларинссона».

Профессор тогда изучил книгу по пиару и решил чуток изменить свою фамилию и название лекции в рекламных целях. Дела у него тогда шли вертикально вниз. Его «величайший труд» так никто и не стал печатать. Преданные студенты, выбранные на роль апостолов, разбежались. Профессор взял кредит и напечатал книгу за свой счет. Он решил, что раз все вокруг полные дураки, то он заработает на «идею» сам. Разумеется, его ожидало жесткое столкновение с реальностью. Книгу никто не покупал. Профессор проанализировал свою целевую аудиторию и пришел к странному выводу – его целевой аудитории просто нет. Жить с аккуратно расставленным тиражом, занимающим пол спальни было сначала забавно, но быстро надоело. Профессор решил устроить рекламные гастроли с лекциями. Сначала по Ленинградской области, потом по Подмосковию. Продажи медленно поползли вверх. Он продал почти 100 экземпляров из пяти тысяч. Профессором он зарабатывал в 18 раз больше и каждый месяц.

И тут его ждала судьбоносная встреча с ребятами-бандитами. Ребята, скромно усевшись на верхнем ряду полупустой аудитории, прослушали всю лекцию так и не услышав ничего путного. После лекции ребята подошли к профессору, купили 20 экземпляров «величайшего труда» и завели разговор о том, о сем. Потом напросились подвести «гения» до гостиницы, а по дороге свернули в крохотный лесок. Деньги платить за нулевой результат ребятам надоело, профессор выглядел капушно и поэтому на него очень резко наехали. Трогать профессора руками ребятам совесть не позволила. Атаковали его исключительно вербально. Но и этого было более чем достаточно. Профессор с радостью выдал бы все военные тайны, но не знал ни одной.

«– Зароем тебя прямо здесь!!!

– И твоего пекинеса зароем!!!

– Но у меня нет пекинеса.

– Где он?

– Не знаю! Я не виноват! Я не люблю собак, точнее не любил. Но сейчас уже полюбил.

Хотите я заведу себе пекинеса. Завести? Прямо сейчас заведу!

– Да ладно, успокойтесь, Владимир Ильич.

– Нет, постой. Давай посмотрим, как он будет прямо сейчас заводить себе пекинеса»

С трудом успокоив профессора, ребята вернулись в автомобиль, накапали ему в стакан целебного виски, рассказали свою грустную историю про поиски нужных цифр, после чего сделали профессору предложение. Он узнаёт всего четыре цифры, – не шесть, не десять, а всего-то четыре – а они ему дают 20 тысяч долларов. Если цифры не подойдут, то им все-таки придется закопать в землю, но не лично его, а его будущего пекинеса, которого он так стремительно полюбил. А ему они просто сломают одну руку или ногу на выбор. Ребята успели поднатореть в этом деле. Профессор с радостью согласился.

Ларисину был нужен труп целиком. Пришлось ребятам взяться за лопаты. Через два дня перед профессором на столе лежал аккуратно собранный скелет моего брата. Я сидел в уголке и пил кофе. Я был в курсе этого дела с самого начала. Бандиты были моими приятелями и к тому же моя сестричка была замужем за одним из этих охламонов. Профессор долго обнюхивал кости, потом стал рассматривать их под микроскопом, потом попросил всех выйти. Мы

столпились перед монитором, наблюдая за профессором с помощью видеокамеры. Ракурс был неудачный. Что делал профессор, было не очень понятно. В конце концов, он взял одну маленькую косточку и стал ходить с ней по комнате. Потом он что-то выпил, уселся в кресло, положил на столик ручку с бумажкой, закрыл глаза и вроде как уснул. Через пару часов, когда ребята убежали на кухню за очередным пивом, профессор неожиданно открыл глаза, медленно привстал, склонился над столом и стал что-то чиркать на бумажке. Потом он вернул косточку на стол, взял бумажку и вышел из комнаты. Как раз вернулись ребята с бутылками. Профессор отдал им бумажку с четырьмя цифрами и вытер пот со лба. Он был мокрый, словно его окатили.

Через пару дней ребята пошли в банк. И цифры – о чудо! – подошли. Ребята, забрав свои деньги, были на седьмом небе от счастья. Они дали профессору 25 тысяч вместо 20, пригласили его в кабак, но Ларисин отказался. На следующий день профессор пропал. Ребята стали его искать. Поняли какой это Клондайк. Но так и не нашли. Пропал профессор надежно, так и не объявился, – Егор замолчал и посмотрел на Таисию. – Ну как? По прежнему не веришь в эту чушь?

– Не знала, что ты – бандит, – задумчиво сказала Таисия.

– Я не бандит. Даже не хулиган.

– Это – хорошо.

Егор окончательно замолчал. Они снова замерли в созерцании ночного океана...

...Вдруг среди водной глади поднялась высокая одинокая волна, метра полтора высотой. Она приближалась медленно, искрясь пеной в лунном свете. На фоне неподвижной поверхности она выглядела живой. Таисия прижалась крепче к Егору. Волна достигла берега и с еле слышным звоном рассыпалась на гальку, чуть лизнув кроссовки Егора. Снова повисла тишина.

– Что это было? – шепотом спросил Егор.

– Не знаю. Может это и была жуть? – шепотом ответила Таисия...

8.

Было послеобеденное время. И без того пустой поселок казался мертвым. Даже собаки не лаяли и птицы не летали. Сиеста. Егор не спеша шел по переулку. На плече у него была черная сумка-планшет. Он несколько раз поворачивался вокруг своей оси, словно проверяя, не следит ли кто за ним. Наконец Егор остановился у калитки единственного в поселке дома, огороженного сплошным высоким забором. Двухметровый забор смотрелся тут дико – словно подмосковная дача перелетела на берег океана. На калитке была большая табличка: «Осторожно, злая собака!» Под надписью был нарисован могильный холмик с крестом. Наверное, имелось в виду, что собака настолько злая, что отправляет всех прямиком на кладбище, но смотрелось так будто злая собака сама похоронена за этим забором. Сбоку от калитки был замок-кнопка, над кнопкой висел видеодомофон. Егор, еще раз оглянувшись, нажал на кнопку звонка и улыбнулся в видеокамеру. Он с минуту ждал отклика, звонил еще несколько раз, никакой реакции не было. Тогда Егор достал из кармана изогнутую крючком железную проволоку и показал ее видеокамере. Потом он засунул проволоку в замочную скважину, поковырял секунд 10-15 и калитка, чуть скрипнув, открылась. Егор зашел внутрь и закрыл за собой калитку. Внутри было два дерева, нестриженная трава и самый обычный дом. Егор поднялся на крыльцо и стал со всех сил без остановки барабанить в дверь. Никто не открывал. Похоже, никого не было дома. Но Егор продолжал долбить. Наконец он повернулся к двери спиной и стал со всей силы бить по ней ногой. Дверь заходила ходуном.

– Немедленно перестань! – наконец раздался из-за двери злой вопль. Вопил мужчина. – Что тебе надо?

Вслед за воплем послышался тоненький собачий лай.

– Владимир Ильич, добрый день. Я всего лишь почтальон. Вам срочная телеграмма, – крикнул сквозь дверь Егор.

– Откуда ты взялся, тварь, – пробурчал голос из-за двери. – Оставь телеграмму на пороге и вали отсюда.

– А если не уйду, что? Спустите на меня вашего пекинеса?

– Я застрелю тебя из винтовки! – твякнул голос из-за двери.

– Класс, – улыбнулся Егор. – В себя не попадите. Слушайте, Владимир Ильич, вы нарушаете фундаментальный закон антропологии. Я ведь тоже ученый, ваш ученик и последователь, должны были признать. Давайте так. Я оставлю телеграмму на пороге и уйду. А завтра в это же время я приду снова и мы тогда спокойно поговорим. Хорошо? – за дверью молчали. – Я вас, похоже, за научными опытами застукал. Извините, такая уж наша научная доля. Только схватишь Бозон Хиггса за лапки, обязательно какая-нибудь сволочь постучит в дверь.

Егор достал из сумки толстую книгу в кожаной обложке и положил на крыльцо.

– До завтра, – сказал он и не спеша пошел со двора.

Егор закрыл за собой калитку и двинулся в сторону главной улицы. Он никуда не торопился. Дойдя до улицы он на секунду задумался куда повернуть и решил повернул направо.

– Эй! Как вас? Стойте! – раздался крик за спиной.

Егор оглянулся. За ним по переулку бежал маленький плешивый человек с широкой кудрявой бородкой. Он был в халате и тапках. В руках у него была оставленная Егором книга. Это был профессор Владимир Ильич Ларисин.

– Не надо завтра, – крикнул, перейдя на шаг, Владимир Ильич. Он изрядно запыхался. – Пошлите сейчас.

В доме был беспорядок. Пахло каким-то сеном. Пока хозяин закрывал замки на входной двери, Егор прошел в комнату. Крохотный пёсик-пекинес истошно лаял, пытаясь укусить гостя.

– Что она у вас такая злая? – спросил Егор, отпिनываясь от песика.

– Это мальчик. Павел, фу.

– Павел? Может его выкинуть куда-нибудь на время? На пиранью похож.

– Сейчас. Павел, – крикнул Владимир Ильич на своего пёсика. Павел притих и посмотрел на хозяина. Хозяин схватил Павла за невидимый под густой шерстью ошейник, взял на руки и быстро вышел. Песик снова зашелся в крике, но вскоре резко замолчал. Владимир Ильич вернулся.

– Что вы с ней сделали? – спросил Егор.

– Почему с ней? Это мальчик. Павел. Уже говорил, – сказал хозяин. – Еще одна минутка, располагайтесь пока.

Хозяин быстро выбежал. Егор осмотрелся. Большой стол был завален исписанными бумагами и книгами. Егор посмотрел обложку открытой толстенной книги. Это было толкование Евангелия от Марка. Рядом лежали толкования других Евангелий и Библия, утыканная закладками. В углу комнаты стояла двухсторонняя доска-мольберт. На ней белым мелом было крупно написано 549. Было видно, что надпись свежая. Егор подошел к мольберту, потёр мел пальцем, лизнул палец, после чего вернулся к столу. Вскоре пришел Владимир Ильич.

– А теперь рассказывайте, что это? – сказал хозяин, показывая на книгу, принесенную Егором.

– Это ваша книга, – ответил Егор.

– Я вижу. Ее все-таки издали?

– Нет. Я за свой счет напечатал два экземпляра.

– За свой счет? Почему два? Это же с ума сойти как дорого. Два экземпляра – это совершенно не тираж. А иллюстрации чьи?

– Нанял рисовальщика. Долго искал. Объявлял конкурс. Понравились картинки?

– Я еще толком не рассмотрел, но понравились, – хозяин снова стал листать книгу. – Переплет, закладка, кожа. Красота какая. Зачем?

– Что бы вы открыли мне дверь.

Владимир Ильич задумался.

– А где второй экземпляр? – спросил он, наконец.

– Один экземпляр у вас, другой у меня. Мы теперь в каком-то смысле родственники. В очень странном конечно смысле.

Владимир Ильич почесал затылок.

– В очень странном смысле, – задумчиво повторил профессор.

– Вы свою собачонку назвали случайно не в честь апостола Павла? – спросил Егор. Владимир Ильич неожиданно засмеялся, причем по-детски, что никак не вязалось с его угрюмым видом.

– С чего вы взяли? – смеясь, спросил профессор.

Егор кивнул на Библию, лежащую на столе.

– Нет, конечно, нет, – сказал Владимир Ильич. – Павел по латыни «малыш», ничего более. Как вы меня нашли?

– У вас внутри порхает светлячок и оставляет странный аромат. Не надо быть лисицей, что б учуять.

– Поэзия? Не очень понимаю. А если прозой?

– Прозой еще проще. Я просто вас искал. Океан за окном был в условиях поиска. Побег за границу был маловероятен, учитывая ваше твердое «два» по английскому. А по латыни сейчас даже эпитафии не пишут. Оставалось наше бескрайнее Тихоокеанское побережье и еще более родной Северный Ледовитый. Территория бесконечная, но безлюдная. Заборчик надо было строить повыше.

– Зачем я вам? Что вы хотите?

– Почти, как в опере. «Что вы хотите от меня? Что сделать я могу для вас?» – фальшиво спел Егор. – Владимир Ильич, если б у вас была хорошая память на лица, вы б меня вспомнили. Я учился в «государке» на культурологии. Даже один раз сдавал вам экзамен. Правда, вы сразу собрали зачетки у тех, кого устраивает «три», так что с глазу на глаз поговорить не пришлось. Еще я был на той самой лекции, где вы вместо продолжения курса «Теории опорно-двигательного аппарата» взхлеб рассказывали про океан, точнее про диковатый рай внутри него. Это было таким чистым незамутненным бредом, что вам повезло, что вас никто не слушал, а то просто отчислением вы б не отделались. Потом я в Тихвине случайно наткнулся на афишу вашей рекламной лекции. Заняться было нечем, я пошел. У вас было плохое настроение. Я купил у вас книжку с автографом, но ваше настроение не улучшилось. Потом мне нужно было 2 дня ехать в поезде и я захватил вашу книгу. Ваши «Лабиринты» были эврикой. Я как раз писал диссертацию по математическому анализу, про бесконечно большие величины. Я совсем запутался, но ваша книга вытащила меня за шкуру. Кандидатскую я закончил и благополучно защитил. Потом мне захотелось встретиться с вами. Я стал вас искать и наткнулся на странную историю. Какие-то чеченцы хотели вам ноги оторвать, если вы их бабушку не воскресите, а вы украли у них кучу денег и сбежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.